

Даже если плата будет заоблачной, ещё вопрос, захочет ли он учить, — уголки губ Фан Чэнсюя презрительно приподнялись, он расслабленно откинулся на спинку дивана и с готовностью отказался:

— Прошу прощения, но, полагаю, я не подхожу...

Сверху донёлся звонкий голос:

— Простите, я вышел поздно и не смог встретить почётного гостя лично.

Чжэн Сяо был одет в строгий костюм и даже заблаговременно надел свой любимый тёмно-фиолетовый галстук. Улыбаясь, он спустился по лестнице, подошёл к Фан Чэнсюю и протянул руку:

— Здравствуйте, мастер Фан. Мы встречаемся впервые, я — Сяо Сяо. Надеюсь на ваше покровительство в будущем.

— Я... я... — Фан Чэнсюй бессвязно повторял одно и то же, не сводя глаз с юноши. Слова отказа наотрез застряли в горле, а разум затопила увиденная ослепительная красота. Боже мой, неужели перед ним эльф?

Пожав руку юноши, Фан Чэнсюй задохнулся от восторга. Это было творение самого Бога, изысканная красота, недоступная даже ангелам. Какая невероятная удача — встретить его! Сердце забилось чаще: столь совершенная красота способна обрести вечность лишь на холсте!

Сяо Чэнь с мрачным лицом наблюдал, как этот так называемый мастер масляной живописи при виде Сяо Сяо в мгновение ока превратился в слюнявого фанатика, у которого чуть ли не слюнки текли. Эй, немедленно убери свои грязные руки!

Их рукопожатие затянулось больше чем на десять секунд. Сяо Чэнь больше не мог этого выносить, с холодным выражением лица вырвал Сяо Сяо из цепких лап Фан Чэнсюя и усадил Чжэн Сяо рядом с собой, так и не выпуская его руку из своей.

Фан Чэнсюй наконец обрёл способность мыслить. Он невольно рассмеялся, поправил сползшие очки и любезно произвел:

— Так ты и есть Сяо Сяо? Выходит, ты мой ученик! Ха-ха, как могло случиться такое счастье? Просто... а, ха-ха-ха.

Даже Сяо Чэнь, который только что метал в него злобные взгляды, показался ему невероятно милым. Он был искренне благодарен Сяо Чэню за предоставленную возможность приблизиться к юноше-эльфу, а потому с широким великодушным жестом заявил:

— Господин Сяо, я с огромным удовольствием стану обучать Сяо Сяо секретам масляной живописи, а о всякой плате не может быть и речи! При условии, конечно, что Сяо Сяо согласится стать моей моделью.

— Ты! Даже! Не! Мейти! — взгляд Сяо Чэня стал совершенно мрачным.

Глаза Чжэн Сяо загорелись. Раз нужно всего лишь позировать взамен на бесплатные уроки, звучит неплохо.

— Хорошо, — с готовностью согласился он.

Лицо Сяо Чэня перекосило от злости.

Фан Чэнсуй сиял всюду, расплывшись в улыбке. Держа Чжэн Сяо за руку и поминутно приговаривая малышу Сяо то, малышу Сяо сё, он увёл его в мастерскую. Сяо Чэнь остался за закрытой дверью. Его руки сжались в кулаки, ему безумно хотелось постучать и ворваться внутрь, но здравый смысл останавливал его. Поборовшись с собой несколько раз, он яростно вцепился в собственные волосы и отправился в свою комнату принимать холодный душ.

Внутри мастерской на деревянный подрамник был натянут ослепительно белый холст, всё необходимое для работы стояло наготове. Фан Чэнсуй привычным движением взял кисть:

— Малыш Сяо, я специализируюсь на портретном жанре. Сейчас я напишу картину прямо с натуры, а ты внимательно наблюдай.

— Угу, — послушно откликнулся Чжэн Сяо, усаживаясь рядом и всем сердцем сосредоточившись на работе Фан Чэнсуя.

Тот сперва набросал очертания фигуры однотонной краской, а затем принялся послойно накладывать и растушевывать цвета. Более темные участки он прописывал тоньше, в то время как средние тона и детали прорабатывал слой за слоем. Лицо Фан Чэнсуя было сосредоточено и сурово, он полностью погрузился в процесс творения, взмахивая кистью — то оставляя мазки лёгкими, то накладывая плотные, — создавая мощный контраст цветовых пятен. Богатство красок оживало на холсте, фактура кожи казалась осязаемой. Наконец, Фан Чэнсуй смешал густой чёрный цвет и поставил последние два мазка: улыбающийся им со знакомства солнечный юноша на холсте словно ожил, и казалось, будто можно расслышать звук его дыхания.

Чжэн Сяо слегка приоткрыл рот, его взгляд был прикован к юноше на холсте, и он долго не мог отвести глаз. Очевидно, его предположения подтвердились: техника масляной живописи Фан Чэнсуя была безупречна. Если он сможет её освоить, тогда человек, бережно хранимый в его воспоминаниях...

Фан Чэнсуй с довольным видом наблюдал, как Чжэн Сяо оказался полностью покорен его мастерством. Прекрасно. Он поправил очки в серебряной оправе и мягко произнёс:

— Хочешь научиться? Если пожелаешь, я передам тебе всё до последнего секрета, без утайки, но...

Чжэн Сяо удивлённо посмотрел на него.

Фан Чэнсуй глубоко вздохнул, а уголки его губ искривились в лукавой улыбке:

— Тогда выполни моё условие, каково бы оно ни было.

Чжэн Сяо слегка расширил глаза: похоже, этот прославленный и успешный мастер Фан вовсе не так прост, как кажется. Тем не менее, его навыки живописи были ему действительно необходимы.

Он опустил голову. Фан Чэнсуй решил, что юноша колеблется, и, словно искушитель, заманивающий в ловушку доверчивого агнёнка, легко опустил большую руку на спину парня, плавно проводя по ней. Прижавшись лбом ко лбу юноши, он нежным голосом принялся рассеивать его тревоги:

— Не бойся, я не стану выдвигать чрезмерных требований. Нужно будет лишь принимать определённые позы во время сеансов позирования. Мой Энгр, согласись. Ты ведь тоже хочешь овладеть масляной живописью и заставить своего старшего брата гордиться тобой? Просто кивни, и я буду обучать тебя изо всех сил, ручаюсь, ты станешь выдающимся художником. Ну как? — его губы почти касались уха юноши, а выдыхаемый горячий воздух был пропитан недвусмысленным подтекстом. — Соглашайся, мой Энгр. О том, чтобы Сяо Чэнь стал им гордиться, не было и речи, но Чжэн Сяо не стал его отталкивать. Сяо Чэнь сейчас был сражен наповал его красотой, и каждый раз его взгляд казался таким, будто он мысленно раздевает его догола. Чжэн Сяо внешне делал вид, будто ничего не замечает, но в душе горячо желал, чтобы тот наконец отбросил предрассудки о братских узах и открыто принял его чувства. Пожалуй, это была прекрасная возможность.

Чжэн Сяо отвел взгляд от Фан Чэнсюя и слегка кивнул. — Отлично! — Фан Чэнсюй в возбуждении заключил юношу в объятия, его крупная ладонь заскользила по спине юноши. Он слегка прикрыл глаза, наслаждаясь восхитительным ощущением под рукой, а улыбка в уголках его рта становилась всё шире.

Чжэн Сяо попытался вырваться. Фан Чэнсюй не ожидал этого сопротивления и, решив, что тот собирается передумать, мгновенно помрачнел. Чжэн Сяо опустил голову, теребя край одежды, словно запуганный десятилетний мальчик, и робко произнес:

— Дома нельзя, старший брат узнает.

Вот оно как. Фан Чэнсюй усмехнулся, шагнул вперед и взял Чжэн Сяо за руку, все еще судорожно сминавшую край ткани. Высокая фигура взрослого мужчины полностью накрыла Чжэн Сяо своей тенью, и он успокаивающе произвел:

— Не переживай, в этом я разбираюсь. Тогда дождемся удобного случая и как следует порисуем на моей вилле.

Словно представляя себе сцену за рисованием, Фан Чэнсюй улыбнулся еще более зловеще и притягательно:

— Я запечатлю на холсте каждую твою деталь. Ну всё, если откажешься снова, я рассержусь. Чжэн Сяо послушно кивнул, словно испугавшись.

Сяо Чэнь в кабинете занимался делами компании, однако простую в общем-то бумагу не мог осилить целый час. Раздражённо перелистывая страницы, он случайно опрокинул стоявшую на столе чашку. Коричневый кофе залил всю поверхность. В спешке отодвинув важные документы, Сяо Чэнь посмотрел на царивший вокруг беспорядок и окончательно потерял всякое желание работать.

Положив папки на диван и подняв руку, он взглянул на бесконечно медленно ползущую стрелку часов и нахмурился. Прошло уже два часа, а они до сих пор не выходили, и из комнаты не доносилось ни звука. Не случилось ли чего?

Больше не в силах усидеть на месте, Сяо Чэнь вышел из кабинета, быстрым шагом направился к комнате Чжэн Сяо и уже занёс руку, чтобы постучать, как дверь отворилась изнутри.

Фан Чэнсюй распахнул её и, с удивлением заметив Сяо Чэня, приподнял бровь: Какое совпадение, господин Сяо, неужели вы всё это время простояли у двери? Он с удовлетворением наблюдал, как лицо Сяо Чэня становится всё мрачнее.

Усмехнувшись, он продолжил: Раз уж наше сегодняшнее занятие подошло к концу, я пойду. До свидания, господин Сяо, Сяо Сяо, до встречи завтра.

Фан Чэнсюй легко махнул рукой и, не дожидаясь ответа от обоих, непринуждённо и уверенно удалился. Сяо Чэнь с бесстрастным выражением лица посмотрел на удаляющегося неприятного человека, и на душе у него сразу посветлело. Притянув к себе Чжэн Сяо, он внимательно оглядел его с ног до головы, уделяя особое внимание лицу и шее — не осталось ли там следов от украдкой поставленных поцелуев. Когда же Сяо Чэнь стянул с Чжэн Сяо штаны, чтобы проверить его маленькую попку и цветочек, Чжэн Сяо легким кашлем вытащил руку Сяо Чэня и, уставившись на него, возмутился:

— Ты что вообще делаешь?

Только тут Сяо Чэнь пришел в себя. На его ледяном лице проступили две странные красные пятна. Помолчав секунду, он сделал вид, будто просто поправляет Чжэн Сяо одежду, и проговорил:

— Посмотри на себя, вся одежда перекошена, ума не приложу, как ты вечно умудряешься так уделаться.

Закончив наводить порядок, он с самым серьезным видом принялся его поучать:

— Впредь постарайся усердно учиться рисованию и прекрати проказничать.

Чжэн Сяо ничего не ответил, лишь широко распахнутыми глазами наблюдая, как тот продолжает плести небылицы.

Натянув на лицо неловкую улыбку, Сяо Чэнь взял Чжэн Сяо за руку и ласково произнес:

— Сяо Сяо, ты так долго занимался, наверное, устал? Брат пойдет приготовить твои любимые тушеные куриные крылышки.

Глаза Чжэн Сяо засияли. Хотя он и не понимал, почему Сяо Чэнь, будучи Наследным принцем семьи Сяо, обладал столь отменными кулинарными навыками, но поскольку прямым выгодоприобретателем был он сам и каждый день мог наслаждаться вкуснейшей едой, о большем счастье нельзя было и мечтать.

Пока Сяо Чэнь хлопотал на кухне, Чжэн Сяо сидел за обеденным столом, подперев подбородок рукой, и улыбался — отвратительное настроение после угроз Фан Чэнсюя рассеялось без следа.

Вот так. Было бы прекрасно, если бы он всегда готовил только для него. Чтобы были только они вдвоем. Всегда, всегда вместе.

Секретарь Сяо Чэня Ань Жань работал с ним уже три года и был абсолютной элитой компании — разумеется, без должных способностей оказаться рядом с Сяо Чэнем было просто невозможно. Сяо Чэнь обладал выдающимся коммерческим талантом, за которым обычные люди просто не поспевали. Вне работы они также были близкими друзьями и раньше

частенько заходили по ночным клубам, однако теперь Сяо Чэнь, казалось, внезапно утратил к ним всяческий интерес и каждый день уже в полдень спешил домой — то ли какая-то красotka полностью одурманила его душу.

Сегодня в обед, после того как Ань Жань закончил стандартный рабочий отчет, он, ничуть не удивляясь, заметил, как Сяо Чэнь собирает портфель, и с ухмылкой поддразнил его:

— И сегодня уходишь так рано? Не терпится повидаться со своим сокровищем?

Сяо Чэнь бросил на него косой взгляд, сложил в портфель срочные документы, накинул пальто и, даже не думая спорить, бросил:

— Я поехал. Если случится что-то важное, сбрасывай на почту. Прости за хлопоты и спасибо.

Похоже, Сяо Чэнь и впрямь пропал окончательно. Трудно даже представить, сколько красавиц в компании положили на него глаз — судя по всему, всем им суждено горько разочароваться. С фальшивым вздохом Ань Жань ответил:

— С делами фирмы полный порядок, так что можешь смело оставлять всё на меня.

Сяо Чэнь хлопнул его по плечу и вошел в лифт. Взглянув на запястье, Сяо Чэнь увидел, что часы показывают ровно двенадцать. Нужно было спешить обратно, чтобы приготовить обед для Сяо Сяо. Сяо Чэнь не доверял выходы Чжэн Сяо наружу и даже еду предпочитал готовить для него сам. Он не видел ничего странного в том, что президент семьи Сяо каждый день возится на кухне. Готовил он неплохо, и каждый раз, видя, как Сяо Сяо с наслаждением уплетает его стряпню, он чувствовал глубокое удовлетворение и счастье.

Сяо Сяо был его младшим братом. Ему хватало и того, чтобы просто смотреть на него издали, молча охраняя его покой; он и не смел надеяться, что они смогут по-настоящему быть вместе. Те счастливые мгновения, что выпали на его долю, были словно украдены у судьбы, и этой кажущейся заурядной повседневностью он дорожил каждую секунду.

Что ж, пусть роль такого хорошего брата так и останется за ним. Забыть о том, как он когда-то любил красивых женщин и теперь не чувствует возбуждения, даже глядя на них; забыть о ночах, когда он, не в силах сдержаться, мастурбировал в постели, и лишь образ Сяо Сяо приносил ему разрядку.

Его младший брат, сам того не ведая, сломал его, превратив старшего брата в завязанного гая, который до безумия им увлекся.

Проведя рукой по лицу, он вышел из лифта. У лифта в подземном паркинге несколько сотрудниц компании с изысканным макияжем о чем-то болтали, то и дело издавая звонкий, кокетливый смех. Прежде Сяо Чэнь, возможно, и поддался бы на эти чары, но сейчас он даже не взглянул в их сторону и уверенно направился к своему спорткару.

Красавицы сделали вид, будто только что заметили Сяо Чэня, и, изобразив на лицах идеальную смесь смущения и кокетства, негромко поздоровались:

— Здравствуйте, президент.

Сяо Чэнь кивнул. Красотки не смогли задержать его шагов; он открыл дверцу, и белый спорткар, словно проворная рыба, выскользнул из парковки.

А те женщины, что только что принимали соблазнительные позы, досадуя, заскрежетали зубами. Все они заметили, что в последний месяц Сяо Чэнь ежедневно ровно в полдень появлялся на парковке, и решили испытать удачу, попытавшись соблазнить его своей красотой. Раньше, хотя Сяо Чэнь и держался всегда холодно, он не особо отвергал женщин, которые вешались ему на шею. Счастливица, приглянувшаяся ему, после одной ночи получала щедрое вознаграждение, да и стать девушкой Сяо Чэня было вполне реально. Но теперь он словно внезапно превратился в соблюдающего пост монаха, и все их кокетливые взгляды летели слепому. Хм, интересно, что за лисица пустила в ход столь изощренные чары, раз она сумела его привязать? Погодите, они не верили, что кошки могут навсегда отказаться от рыбы.

На лицах женщин застыли дежурные улыбки, и стоило объекту их соблазнения уехать, как оживленная болтовня быстро сошла на нет.

Вилла Линьху. Чжэн Сяо сидел у окна и писал маслом. Он учился масляной живописи уже целый месяц. Сяо Чэнь следил за ним очень строго, а Фан Чэнсюй не делал ничего лишнего, так что основы техники он уже практически освоил. Чжэн Сяо чувствовал, как Фан Сюньсюй изумлен его талантом. Впрочем, человека, прожившего несколько жизней, нельзя было мерять по обычным меркам.

Однако в этот момент его сердце растаяло, превратившись в лужицу воды. Сделав последний мазок и глядя на готовую картину, Чжэн Сяо с ностальгией улыбнулся от счастья, но из глаз у него закапали слезы.

На холсте не было никакого фона — только смугловатый мужчина. Мужчина был высокого роста, с пронзительным взглядом, в котором, однако, сквозила особая нежность. Уголки его губ трогала избавляющая улыбка, и он слегка наклонил голову, словно говоря: ну с тобой просто не совладать.

Чжэн Сяо бессознательно протянул руку, желая коснуться улыбающегося лица мужчины, но краска, оставшаяся на пальцах, испачкала лицо на холсте. Его рука замерла, сердце сжалось от тяжелого удара, дыхание участилось, глаза заволокло слезами так, что перестало быть что-либо видно. Больше ведь не увидится, верно? Они...

Дверь внезапно открылась, и вошел Сяо Чэнь. Чжэн Сяо ничего не заметил, продолжая лить слезы и погруженный в болезненные эмоции.

Сяо Чэнь, на ходу снимая пальто и бросая его на диван, с улыбкой спросил:

— Сяо Сяо, чего бы тебе сегодня хотелось съесть?

Подойдя ближе, он обнаружил, что Сяо Сяо плачет. Лицо Сяо Чэня мгновенно переменилось. Он бросился вперед, опустился на колени и, схватив его за руки, с тревожным вопросом

произнес:

— Что случилось? Сяо Сяо, почему ты плачешь?

Чжэн Сяо не мог вымолвить ни слова, остолбенело глядя на яркий солнечный свет за окном, а слезы из уголков глаз все капали и капали. Сяо Чэнь слегка встряхнул его, возвращая в реальность. Тот тупо смотрел на Сяо Чэня, его губы шевельнулись, но он понял, что ему нечего сказать. Не говорить же ему: я плачу, потому что скучаю по бывшему парню?

Сердце Сяо Чэня сжалось от невыносимой боли. Кто, черт побери, довел его сокровище до таких слез? Он был готов убить этого человека. Его Сяо Сяо всегда был мягким маленьким джентльменом, все, кто общался с ним, любили его. Кто?! У кого хватило духу причинить ему боль? Проклятье!

Сяо Чэнь подхватил Чжэн Сяо на руки и уселся с ним на диван. Уткнувшись подбородком ему в лоб, он покачивал его так, будто качал младенца.

Этот объятия... Знакомое, теплое и безмятежное, оно успокоило раненое сердце Чжэн Сяо. Он глубоко зарылся в объятия Сяо Чэня, с облегчением выдохнул, его уставший мозг замедлил работу, и наконец он погрузился в крепкий, сладкий сон. Сяо Чэнь погладил Чжэн Сяо по черным блестящим и мягким волосам, легонько коснувшись губами его макушки. Солнце клонилось к закату, яркие лучи падали на стоявшую у окна готовую масляную картину Чжэн Сяо. Взгляд Сяо Чэня сузился: изображенный на полотне мужчина был высок ростом, с чуть смуглой кожей и горделивой осанкой человека, привыкшего долго занимать высокие посты. До чего же глубоко затаенная в глазах этого мужчины нежность и баловство походили на его собственные! Неужели он был моделью Сяо Сяо? Почему на холсте проступило такое выражение? Выходит, он действительно выглядит так, будто отчаянно в кого-то влюблен... Сяо Чэнь сжал зубы: с самого начала не следовало позволять этому ублюдку Фан Чэнсюю приближаться к Сяо Сяо!

Но почему он плакал, глядя на мужчину с картины? Сяо Сяо, неужели он тебе нравится?

Сердце Сяо Чэня пронзила боль, рука, обнимающая Чжэн Сяо, сжалась крепче. Нужно защищать его еще надежнее, ведь кто бы ни был этот человек, Сяо Сяо принадлежит ему.

В два часа дня, точно в назначенное время, как это было каждый день на протяжении последнего месяца, раздался звонок в дверь. Чжэн Сяо сонный и растерянный проснулся и обнаружил, что заснул прямо в объятиях Сяо Чэня. Смущенно глянув на Сяо Чэня и почесав в затылке, он попытался приподняться, но Сяо Чэнь мягко, но властно удержал его.

Сидящий у него на коленях Чжэн Сяо слегка растерялся.

— Что-то случилось? Учитель Фан все еще ждет снаружи, я пойду открою дверь.

Лицо Сяо Чэня выглядело необычно суровым. Он вытер слезинки у уголка глаз Чжэн Сяо и произнес:

— Сяо Сяо, давай ты больше не будешь учиться рисовать, хорошо?

Чжэн Сяо замер, вопросительно поднял на него взгляд и спросил:

— Почему ты вдруг об этом заговорил?

Сяо Чэнь с нежностью разгладил его торчащие в разные стороны пряди и мягко ответил:

— Брат не хочет, чтобы ты грустил. Брат больше не желает видеть слезы Сяо Сяо.

Заметив портрет у окна, Чжэн Сяо все понял. Он выбрался из объятий Сяо Чэня, подошел к окну, бережно убрал картину и с нежностью посмотрел на изображенного на ней мужчину. Что ж, раз они уже научились переносить его на холст, видеть Фан Чэнсюя лишний раз ему тоже не улыбалось.

Посмел зариться на то, что принадлежит ему — судя по всему, этот человек совершенно не представляет, на что способна семья Сяо. Нужно будет как следует отплатить ему за это. Подумав немного, Чжэн Сяо обернулся и улыбнулся Сяо Чэню:

— Хорошо. Но я бы хотел позаниматься с учителем Фаном еще неделю, а после этого закончить уроки, ладно?

Сяо Чэнь призадумался: раз они уже отучились целый месяц, еще несколько дней вполне можно стерпеть. Однако на этот раз он будет следить за ним в оба.

Долго ждавший Фан Чэнсюй начал терять терпение. Войдя в дом, он немного смягчился при виде Чжэн Сяо и уже собирался потащить его в мастерскую на занятия, как его окликнул Сяо Чэнь.

Пока Чжэн Сяо приводил себя в порядок в ванной, мужчины сели, и Наследный принц впервые улыбнулся в присутствии Фан Чэнсюя. С едва уловимым торжеством в голосе он произнес:

— Мастер Фан, после этой последней недели обучения Сяо Сяо собирается бросить рисовать. Не беспокойтесь, вознаграждение будет более чем щедрым.

Взгляд Фан Чэнсюя сузился: ах ты, Сяо Сяо, да ты посмел меня обмануть! В душе ему не терпелось схватить парня и жестоко наказать, но на лице застыла вымученная улыбка. Изобразив глубокое сожаление, он протянул:

— Сяо Сяо — самый одаренный ребенок из всех, кого мне доводилось встречать. Не ожидал, что наша связь окажется такой короткой. Раз уж так сложилось, я постараюсь сделать все возможное и как следует поучить его в оставшиеся дни.

Когда Чжэн Сяо вышел из ванной, умыл руки и лицо, он увидел Фан Чэнсюя: тот прислонился к косяку двери мастерской, скрестив руки на груди, с мрачным выражением лица. Чжэн Сяо опустил голову, избегая смотреть на него, молча отпер дверь мастерской и вошел внутрь.

Фан Чэнсюй глубоко вздохнул, последовал за ним и аккуратно прикрыл дверь. Сяо Чэнь все еще находился внизу, так что ему приходилось сдерживаться.

Чжэн Сяо тоже не обращал внимания на его темное от злости лицо — раз уж дошло до такого, говорить с ним ему было больше не о чем. Он не стал, как обычно, здороваться с ним, а молча принялся раскладывать принадлежности для рисования.

Фан Чэнсюй холодно усмехнулся, подошел вплотную к Чжэн Сяо и резким движением рывком поднял его с деревянного стула. Чжэн Сяо почувствовал острую боль в руке и попытался вырваться, но безуспешно:

— Отпусти меня!

— Хм! — Фан Чэнсуй сжал пальцы еще сильнее. Видя выражение боли на лице мальчика, он испытал лишь еще большее возбуждение и холодно бросил: — Ты посмел меня обмануть? По-твоему, я тот, кого можно безнаказанно водить за нос?!

Руку пронзила жгучая боль, и Чжэн Сяо так и подмывало наградить его фирменным ударом в пабец, но время еще не пришло. Его главной целью оставался Сяо Чэнь, поэтому приходилось терпеть.

Ощущая резкую боль в руке и внимая обвинениям Фан Чэнсуя, он лишь жалко лепетал, не в силах вымолвить ни слова, а его попытки сопротивляться становились все слабее — точь-в-точь послушный и полностью поддавшийся воле взрослых десятилетний ребенок.

Заметив его покорность, Фан Чэнсуй разжал руки и крепко прижал его к себе. В отличие от прежнего чисто поверхностного влечения к красоте юноши, месяц совместной жизни заставил его по-настоящему влюбиться. Его улыбка, сосредоточенное выражение лица во время работы над картинами и потрясающий, вызывающий трепет талант к масляной живописи — все это глубоко очаровало его. Этот юноша казался идеальным возлюбленным, словно созданным самой природой специально для него! Он обязан заполучить его! Но почему, черт возьми, он сопротивляется? Будь послушным, и тогда он станет осыпать его лаской.

Одержимый манией, Фан Чэнсуй шумно втянул носом теплый аромат, исходивший от нежной шеи мальчика, а его пальцы запутались в прядях волос — гладкие, словно шелк, короткие черные пряди игриво скользили между ними. Чжэн Сяо молча приник к его груди, стойчески терпя эти прикосновения.

Глаза Фан Чэнсуя слегка сузились: послушно прильнувший к нему юноша походил на маленького котенка, до того милого, что от одного этого зрелища в груди сладко замирало сердце.

<http://bllate.org/book/22160/2308326>